

П.В. Ольховик, Л. Толстой

**Письма Петра Васильевича
Ольховика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.В. Ольховик**
Письма Петра Васильевича Ольховика / П.В. Ольховик, Л. Толстой – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 38 с.

ISBN 978-5-517-99499-8

ISBN 978-5-517-99499-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На это я сказалъ, что Христось училъ не мудрости, потому что самые простые неграмотные люди и тѣ понимали его ученіе.

— А съ какихъ поръ ты началъ понимать Евангеліе?

Я сказалъ: съ тѣхъ поръ какъ началъ читать — еще въ школѣ, съ тѣхъ поръ пересталъ клясться.

Онъ спросилъ: а какой же ты вѣры?

Я сказалъ: вѣры Христа.

Онъ говоритъ: да вѣдь и я вѣры Христа, а всетаки этого не дѣлаю.

Я помолчалъ. Потомъ онъ спросилъ: а какого ты вѣро-исповѣданія?

Я сказалъ: христіанинъ.

Онъ спрашиваетъ: православнаго?

Я отвѣчаю: нѣтъ, не православнаго.

— А почему же ты не православный?

— Потому что я не признаю православныхъ обрядовъ.

Онъ опять говоритъ: а какой же ты христіанинъ, когда не православный?

Я сказалъ: христіанинъ вѣры Христа.

Тутъ стоялъ дѣлопроизводитель. Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: клясться грѣхъ въ неправдѣ.

А я на это сказалъ, что правда и безъ клятвы хороша.

Вопскій на него глянулъ и сказалъ: нѣтъ, это не то.

Потомъ обратился и сказалъ: васъ навѣрно научилъ этому князь Хилковъ?

Я сказалъ, что князя Хилкова я не видѣлъ, но знаю, гдѣ онъ жилъ, и я отъ него не учился.

Онъ спрашиваетъ: далеко ли отъ васъ онъ жилъ?

Я сказалъ: верстъ двѣнадцать.

Онъ опять сказалъ: всетаки ктонибудь да навелъ васъ на это, сами вы бы ничего не узнали.

Я сказалъ: читая Евангеліе, мы сами все это узнали.

Онъ опять спросилъ: такъ значитъ присягать не будешь?

Я сказалъ, что не буду.

Тогда онъ сказалъ солдату, чтобы отправилъ меня въ команду. Съ солдатомъ мы пошли въ кухню, тамъ одинъ солдатъ обѣдалъ. Я попросилъ обѣдать.

Онъ сказалъ: милости просимъ; насыналъ еще борщу, а потомъ кашу. Пообѣдали.

Послѣ обѣда началъ спрашивать меня, почему не присягалъ?

Я сказать: потому что въ Евангеліи сказано: не клянись вовсе.

Они удивились; потомъ спросилъ: да развѣ это есть въ Евангеліи? А ну найди.

Я нашель, прочиталъ, они послушали.

— Хотя и есть, а всетаки нельзя не присягать, потому что замучать.

Я сказалъ на это: кто погубить земную жизнь, тотъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную, а кто сбережетъ земную жизнь, тотъ потеряетъ жизнь вѣчную.

Они посмотрѣли на меня и сказали: смотри-ка, мужикъ, хохоль, а какой разумный. Ты все говоришь правильно, а присягать надо, а то убьютъ или замучать. Намъ тебя жаль, хороший ты парень. Ты этимъ, говорятъ, ничего не оставишь добраго, если не присягнешь, а если присягнешь, то лучше сдѣлаешь: выслужишься, пойдешь домой и опять будешь такъ жить.

Отсюда повелъ меня солдатъ въ казармы. Тутъ тоже встрѣтился съ молодыми солдатами. Тутъ тоже началъ спрашивать про отказъ. Я имъ говорилъ все какъ было, они стали жалѣть меня и всетаки говорятъ:

— Не совѣтуемъ тебѣ этого, потому что замучать. Присягай, ты по своему разуму сейчасъ заслужишь начальника.

Но я сказалъ, что начальникомъ быть грѣшно, потому что Христосъ сказалъ: большій пѣзъ васъ да будетъ всѣмъ меньшій, начальствующій будь какъ служащій; а если начальникомъ быть, то нужно дѣлать насиліе надъ людьми, а всякое насиліе надъ людьми есть грѣхъ.

Тутъ два человѣка очень слушаютъ, когда я что нибудь читаю или говорю. И говорятъ, когда другіе станутъ противорѣчить: это истинная правда. Они говорятъ такъ: если слушать законъ людской, то законъ Божій надо отвергать, а если исполнять законъ Божій, то законъ людской надо отвергать.

Говорить они мнѣ часто: смотри, Петръ, не унывай, не робѣй, пускай и на самый расстрѣлъ ведутъ, то не бойся, терпи все. Это ты задумалъ великое дѣло.

Я имъ отвѣчаю: да, надо все терпѣть за ученіе Христа, всякія гоненія, лишенія и страданія и даже самую смерть.

И много, много разговоровъ здѣсь бываетъ. и все жалѣютъ меня и говорятъ: жаль мнѣ тебя, Петръ, замучаютъ, — хороший парень.

Я думаю, что уже приближается Царствіе Божіе на землю, потому что видно перемену людей.

Здѣсь мнѣ хорошо, утромъ чай даютъ, въ обѣдъ борщъ и каша, вечеромъ кандерь.*) Сплю на кровати, мягко и тепло. Духомъ бодръ и тѣломъ здоровъ.

3.

Харьковъ.

Въ бригадѣ назначили меня на Амуръ. 17 Ноября изъ бригады пришло распоряженіе къ Сумекому военному начальнику, чтобы онъ отправилъ меня въ Харьковъ въ 122 Тамбовскій полкъ, въ распоряженіе командира полка. И вотъ 18 числа, въ 12 часовъ дня, солдатъ съ пашкой сѣлъ со мною въ пассажирскій поѣздъ, и приѣхали мы въ восемь часовъ вечера въ Харьковъ. Долго искали мы помѣщеніе этого полка и наконецъ нашли. Сначала пошелъ въ канцелярію, тамъ записали и отправили въ размѣщеніе. Койки здѣсь не было, спать на голомъ полу.

На другой день, т. е. сегодня, опредѣлили меня въ третью роту Тамбовскаго полка. Здѣсь я буду до весны, а весной поведу на Амуръ. Съ Сумекаго уѣзда во время разбивки на Амуръ назначили 20 человекъ. И тѣ здѣсь будутъ до весны, потому что туда зимой нельзя ѣхать. Харьковъ подобенъ хаосу или лѣсу, въ которомъ не видать ни одной лучинки свѣта.....

Прощу васъ, дорогіе мои, какъ можно лучше любите другъ друга, любовь всего достигаетъ. Съ тѣмъ прощайте, обнимаю и цѣлую васъ. Передайте мой задумевный привѣтъ всѣмъ моимъ друзьямъ.

4.

1895 года 26 Ноября.

Теперь я сижу въ Харьковѣ на гауптвахтѣ 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка. Причина этому слѣдующая: 20 числа меня поставили въ рядъ съ другими молодыми солдатами и рассказали намъ солдатскія правила.

Я имъ сказалъ, что я ничего этого не буду дѣлать. Они спросили: почему?

Я сказалъ: потому что, какъ христіанинъ, не буду носить оружія и защищаться отъ враговъ, потому что Христосъ велѣлъ любить и враговъ.

---

*) Жидкая пшенная похлебка.

Унтеръ-офицеръ сказалъ : хорошо, я доложу ротному командпру.

22 Ноября пришелъ ротный командиръ и полуротный. Позвали меня въ ротную канцелярію, которая въ этой же казармѣ.

Когда я вошелъ, ротный командиръ спросилъ : это кто? Фельдфебель, тутъ же стоявшій, сказалъ : это штундистъ, тотъ, что не хочетъ заниматься.

Онъ обратился ко мнѣ съ крикомъ и спросилъ : ты почему заниматься не хочешь?

Я сказалъ : потому что я оружія не буду носить, поэтому и заниматься не буду.

— А оружіе почему ты не будешь носить?

Я сказалъ : оружія не буду носить потому, что я христіанинъ, а по ученію Христа надо и враговъ любить, а не бить, поэтому оно и не нужно для меня.

Онъ опять сказалъ : да развѣ только ты одинъ христіанинъ? вѣдь мы же всѣ христіане, а этого не дѣлаемъ.

Я сказалъ : про другихъ я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христосъ говоритъ дѣлать то, что я дѣлаю.

Онъ опять сказалъ : если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною въ баракахъ.

На это я сказалъ : что хотите, то и дѣлайте со мной, а служить я не буду.

Онъ обратился къ полуротному командпру : что съ нимъ дѣлать?

Тотъ сказалъ : надо къ священнику, пусть приведетъ къ православію, а такъ съ нимъ ничего не сдѣлаешь.

Послѣ этого ротный сказалъ : ступай. Я пошелъ, а онъ фельдфебелю говоритъ : заниматься нужно съ нимъ получше, пороть какъ пса, тогда онъ и будетъ заниматься.

Минуты черезъ три опять солдаты зовутъ къ ротному. Я пошелъ. Онъ спросилъ : грамотный ли ты? Смотри, говоритъ, чтобъ ты мнѣ занимался.

Я сказалъ, что не буду заниматься. Онъ опять сказалъ : ступай. Я пошелъ.

Только что съѣлъ, а они вышли изъ канцеляріи въ казарму и опять въ третій разъ позвали меня. Спросили какъ звать отца, какъ ими и фамилія? Я рассказалъ. Записали.

Ротный командиръ опять обратился ко мнѣ съ словами : если ты не будешь заниматься, то заставлю выпоротъ розгами.

Я сказать: это власть ваша, что хотите, то и делайте со мной, а служить я не буду.

Потомъ ефрейторъ сказать: иди за мною. Я пошелъ за нимъ въ другой конецъ казармы; потомъ говорить: стой; и когда я сталъ и оглянулся назадъ, то увидѣлъ я, что за мной ведутъ еще солдата, поставили вблизи отъ меня и велѣть мнѣ поставить ноги вмѣстѣ.

Я сказать: для меня такъ стоять удобнѣе.

Унтеръ-офицеръ взять меня за плечи и началъ толкать своими ногами объ мои ноги и говорить: поставь ноги такъ, чтобы каблуки были вмѣстѣ, а носки врозь; но я этого не дѣлалъ, какъ велѣли, и сказать: что хотите, делайте со мной, но я заниматься не буду.

Тутъ стояли ротный командиръ и полуротный и смотрѣли, какъ толкалъ меня унтеръ-офицеръ.

Я повернулся къ нимъ и сказать: вотъ какъ дѣлаютъ христіане, насиліемъ хотѣтъ заставить.

Ротный сказать: я тебя, е. т. м., еще розгами буду заставлять, и съ этими словами пошелъ въ канцелярію.

Полуротный послѣ всего этого спросилъ меня: почему же ты не говорилъ этого раньше, еще въ своемъ уѣздѣ?

Я сказать, что все это я ужъ говорилъ и въ приѣмѣ, и у воинскаго начальника въ Сумахъ.

Онъ спросилъ: что же они тебѣ говорили?

Я сказать: въ приѣмѣ говорили — сошлемъ, а полковникъ ничего не говорилъ, а посылать въ бригаду, откуда и получить отвѣтъ, чтобы поставить меня сюда.

Съ тѣмъ и ушли изъ казармы. Вечеромъ меня унтеръ-офицеръ водилъ къ полковому попу. Попъ призналъ меня неправымъ.

Попъ спрашивалъ, какого я вѣроисповѣданія? Я сказать: христіанинъ.

Онъ спросилъ: православный? Я сказать: нѣтъ не православный.

Онъ опять спросилъ: а какой же? Я сказать: христіанинъ вѣры Христа.

Онъ сказать: да такой вѣры нѣтъ, христіанъ есть много, и всѣ они имѣютъ названіе: то православные, то лютеране, то католики; есть христіане духоборы, молокане и много другихъ. и вотъ ты скажи намъ, какую ты религію исповѣдуешь?

Я сказать: я никакой религіи не признаю, кромѣ ученія Христа.

Онъ опять спросилъ: а на чемъ же ты основываешь свою вѣру? Я сказать: на любви Отца небеснаго.

Потомъ онъ сказать: вотъ въ Россіи есть двѣ секты, которые не хотятъ служить, одна взята изъ нѣмецкины, а другая русская: это — толстовщина. Такъ вотъ, скажи намъ: къ какой изъ нихъ ты принадлежишь?

Я сказать: я не сектантъ, а христіанинъ, потому и не могу принадлежать къ сектѣ.

И такъ послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ офицеръ записалъ, что я ничего не признаю изъ православія.

Отъ пона онъ повелъ меня на гауптвахту, гдѣ я и сейчасъ нахожусь арестованъ. Карцеръ просторный, свѣтлый и теплый, лампа горитъ цѣлую ночь, дверь заперта, и стоитъ солдатъ съ ружьемъ и смотритъ въ дыру, прорѣзанную въ двери, черезъ каждыя пять минутъ. Къ вѣтру водятъ два солдата съ ружьями утромъ и вечеромъ. Обѣдать даютъ борщъ и кашу, а въ ужинѣ супъ.

Здѣсь я буду находиться до распоряженія командира полка. Навѣрное будутъ судить и накажутъ; но я въ этомъ несколько не смущаюсь. Апостолъ Петръ говоритъ объ этомъ: „и кто едѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добраго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны. А страха ихъ не бойтесь и не смущайтесь.“ (I пос. Петр. гл. 3, ст: 13 — 14.) „Если злословятъ васъ за имя Христова, то вы блаженны, ибо духъ славы, духъ Божій почиваетъ на васъ. Тѣмъ онъ хуляется, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое. А если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь.“ (I пос. Петр. гл. 4, ст: 14, 15, 16.)

Въ карцеръ ко мнѣ входятъ каждый день офицеры, спрашиваютъ: за что арестованъ? Я имъ отвѣчаю: служить не желаю.

Спрашиваютъ: почему? Я отвѣчаю имъ: хочу вынудить заповѣдь Христа о любви къ врагамъ.

Спрашиваютъ: откуда и какого сословія? На все это я отвѣчаю, какъ кто спроситъ.

Съ тѣмъ прощайте, остаюсь живъ, здоровъ. Душевное состояніе хорошее. Письма мои, какъ только буду писать, будутъ все прочитаны какимъ нибудь офицеромъ. Писать безъ вѣдома начальства нельзя.

5.

Харьковъ. 5 Декабря 1896.

1 Декабря ко мнѣ въ карцеръ приходили опять тотъ же попъ и офицеръ. Опять спрашивали, какой я секты? Я ихъ спросилъ, для чего это имъ такъ нужно. Они говорили: нужно написать о тебѣ вышему начальству, а потому и нужно это. Я сказалъ: вотъ такъ и пишете, что я христіанинъ. Съ тѣмъ они и пошли.

Ко мнѣ въ карцеръ часто входятъ офицеры, спрашиваютъ откуда, какого сословія и за что сижу. Сидѣть я буду здѣсь, неизвѣстно до какихъ поръ, посадили до распоряженія.

6.

Одесса. 1896 г. Февраля 11 дни.

Теперь нахожусь я въ городѣ Одессѣ. 7 Февраля выѣхали, а приѣхали 9 Февраля. Сегодня смотрѣла комиссія, кто годенъ ѣхать черезъ воду на Амуръ. Смотрѣли меня, признали годнымъ. Генераль говоритъ офицерамъ: какія убѣжденія находитъ этотъ молокососъ, что отказывается отъ службы? Какіе нибудь милліоны служатъ, а онъ одинъ отказывается, его выпоротъ хорошо розгами, тогда онъ оставитъ свои убѣжденія!

А полковникъ сказалъ на это: сначала нужно посмотреть на его кротость и поведеніе, а тогда видны будутъ и убѣжденія, онъ не можетъ пзмѣнить того, во что вѣритъ.

Потомъ спросилъ генераль: гдѣ я учился и много ли читалъ.

Я сказалъ: учился въ сельской школѣ, а читать, сколько успѣлъ.

Спрашивали: какой я секты. Я сказалъ: я христіанинъ, ни къ какой сектѣ не принадлежу...

...Генераль все гомонилъ и не хотѣлъ согласиться съ полковникомъ.

Доктора тоже говорили: поѣдемъ на Амуръ, тамъ хорошо служить. Я сказалъ: вездѣ хорошо.

И такъ долго меня крутили во время смотра и угрожали сѣчь на пароходѣ, на что я согласился. Ыду въ своей одеждѣ, а казенную всетаки представляютъ до мѣста. 1 Февраля уже повезли по морю 1200 человекъ. Говорятъ и тысячи будутъ набирать. Солдаты часто спрашиваютъ меня про мой отказъ и много знакомятся со мной.

Ыду безъ конвойныхъ и даже безъ присмотра. Ыхалъ

мимо Полтавы; если бы я зналъ, что мимо ѣхать, то написалъ бы друзьямъ, чтобы можно было повидаться на станціи. Писемъ не получалъ ни отъ кого. Писать только П. С., но начальство мнѣ не дало его письма.

8 Февраля, когда привели пзъ гауптвахты въ роту, водили въ баню. Спрашивалъ фельдфебель, поѣду ли на Амуръ. Я сказалъ: пусть везутъ, куда угодно.

Я думаю, что крутыхъ мѣръ наказаній не будетъ, а хотя и будетъ, то я несколько не смущаюсь. По пріѣздѣ на мѣсто сейчасъ же напишу. Ѣхать придется водой полтора мѣсяца, если погода хорошая будетъ, а если плохая, то больше.

Прощайте, живите съ Богомъ, любите другъ друга. Помните слова Апостола Павла: „кто не печется о своихъ, а особенно о домашнихъ, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго.“ Брѣпко обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ. Хотя я и разлученъ отъ васъ тѣломъ, но духомъ всегда живу съ вами. Передайте отъ меня поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ и знакомымъ.

7.

Письмо о Петръ Васильевичъ Ольховикъ, одного изъ его друзей.

Полтава, 14 Февраля 1896 года.

Только что я возвратился изъ Харькова, куда ѣздилъ съ цѣлью повидаться съ Петей и разузнать о его дѣлѣ. Но повидаться мнѣ съ нимъ не удалось: за два дня до моего пріѣзда его отправили въ Одессу и затѣмъ на Амуръ вмѣстѣ съ 220 человеками — новобранцами. Его отправили отсюда безъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія — просто съ глазъ долой. А мнѣ такъ хотѣлось съ нимъ повидаться, такъ былъ увѣренъ, что это удастся. И тѣмъ досадило, что во все время пребывания своего на гауптвахтѣ Петя не только ни съ кѣмъ изъ друзей не общался, но и писемъ не получалъ, такъ какъ начальство перехватывало. Кое-кто пытался пройти къ нему до меня, но безуспѣшно.

Отъ солдатъ на гауптвахтѣ, отъ фельдфебеля и отъ начальства я узналъ о немъ много хорошаго. Самое хорошее было то, что онъ какъ то никого не раздражалъ ни солдатъ, ни начальства, и умѣлъ соединять въ себѣ стойкость съ мягкостью. Солдаты относятся къ нему весьма сочувственно, начальство же поражается его стойкостью.

За недѣлю до отправки его пробовали еще разъ заставить учиться, но безуспѣшно. Онъ рѣшительно заявилъ коман-

дпру, что „перемѣнять свои слова не станеть“ и прибавилъ: „Вы ведите свое дѣло, а я свое буду вести.“

По словамъ солдатъ онъ все время на гауптвахтѣ былъ бодръ и веселъ. Но находясь постоянно въ заперти, онъ измѣнился на видъ: изъ цвѣтущаго юноши сталъ желтоватымъ.

Передъ самой же отправкой, передавалъ фельдфебель, онъ былъ скучный.

Ему еще хотѣли вручить солдатскія принадлежности: шинель, сукно, полотно, сапоги и деньги, но отъ всего этого онъ отказался, не признавая себя солдатомъ, и остался въ своей свиткѣ. Сейчасъ мы съ его братомъ ѣдемъ въ Одессу, гдѣ Петя пробудеть до 24 Февраля. Если Богъ поможетъ, повидаемся съ нимъ, чувствую, что это будетъ хорошо и для него, и для меня. Изъ Одессы онъ будетъ отправленъ во Владивостокъ и въ Хабаровскъ въ полное распоряженіе Амурскаго генераль-губернатора и воинскаго начальства. Словомъ, онъ въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи.

М. Д.

8.

Письмо П. В. Ольховика на родину.

7 Апрѣля 1896 года.

Получено 26 Юня 1896 г.

По пути во Владивостокъ.

Дорогой братъ!

Ваше посѣщеніе очень обрадовало меня, въ то время я подумалъ: „Хотя я гонимъ, но не оставленъ: есть люди, которые стали больше думать и жалѣть меня.“ На пароходѣ я нашелъ въ себѣ новыя силы духа; тутъ нашелся человѣкъ, единомыслящій, съ которымъ я дѣлюсь тѣмъ, что для меня дорого и свято. До Владивостока ѣхать еще четыре дня. Сейчасъ приближаемся къ городу Нагасаки. Изъ Нагасаковъ идетъ пароходъ въ Одессу: „Орелъ“. Онъ привезетъ это письмо въ Одессу. Качки большой не было, но всетаки многіе не ѣли три дня, много блевали. Но я все время не чувствовалъ ничего этого. Прочитавши о случившемся на пароходѣ, отошлите пожалуйста въ Рѣчку. Я думаю ихъ это много заинтересуетъ.

---

1 Апрѣля пришелъ ко мнѣ солдатъ изъ третьяго трюма во второй, родомъ онъ изъ Кіева, грамотный.

Сначала онъ спросилъ меня: „можно ли спросить тебя кое о чемъ?“ Я сказалъ: а собственно о чемъ? Онъ сказалъ:

да вотъ собственно о томъ, что ты отказываешься отъ службы и не признаешь себя православнымъ, — мы, говорить, говѣли, а ты не говѣлъ?

Онъ началъ спрашивать, а я отвѣчать. Разговоръ продолжался долго.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался Кириллъ Середа. Онъ раскрылъ Евангеліе и началъ читать 5-ю главу Матвѣя. Прочитавши, началъ говорить: вотъ Христосъ запрещаетъ клятву, суды и войну, а у насъ все это дѣлается и считается за законное дѣло.

Тутъ стояли, столпившись кучей, солдаты и замѣтили, что у Середы нѣтъ на шеѣ креста. Его спросили: а гдѣ твой крестъ?

Онъ говорить: въ сундукѣ.

Они опять спрашивали: почему же ты его не носишь на шеѣ?

Онъ говорить: потому что я люблю Христа, а потому и не могу носить того орудія, на которомъ распять Христосъ.

Потомъ вошли два ефрейтора, стали говорить съ Середой. Они сказали ему: почему же ты говѣлъ недавно, а теперь сбросилъ крестъ?

Онъ отвѣчалъ такъ: потому что я тогда былъ темный, не видѣлъ свѣта, а теперь началъ читать Евангеліе и узнать, что все это не нужно дѣлать по христіански.

Они опять спросили: значить и ты служить не будешь, какъ и Ольховикъ?

Онъ сказалъ, что не будетъ.

Они спросили: почему? Онъ сказалъ: потому что я христіанинъ, а христіане не должны вооружаться противъ людей.

Узнавъ объ этомъ дежурный, вошелъ въ трюмъ и началъ кричать: гдѣ здѣсь тотъ, который говорить, что нѣтъ Бога и начальства на свѣтѣ?

Все молчалъ. Онъ обратился ко мнѣ и говорить: это ты тутъ распространяешь?

Я сказалъ, что и ничего не говорилъ объ этомъ, что нѣтъ Бога и начальства на свѣтѣ.

Онъ спросилъ: кто тутъ еще другой такой?

Ему показали на Середу.

Онъ началъ кричать съ ругательствами: это ты, сукинъ сынъ, дуракъ, тутъ панелся такой разумный, узналъ какъ много: нельзя носить крестовъ и не признавать начальства? Вотъ я доложу объ этомъ ротному, онъ тебя, дурака, въ кандалы отдастъ.